

Эрн В.Ф. Ненужные рыдания // Утро России. 1915. 22 янв. № 22. С. 4.
Печ. по: Эрн. В.Ф. Сочинения. С. 348-354.

НЕНУЖНЫЕ РЫДАНИЯ

I

Еще не кончилась великая галицийская битва, еще под Люблином шел ужасающий бой, когда некоторые части русского общества вдруг забеспокоились о судьбах германской культуры. На страницах «Русских Ведомостей» началась робкая защита немецких «культурных ценностей» от каких-то неясно сформулированных опасностей, а затем благородное печалование, как занятие легкое и не требующее предварительной подготовки, стало излюбленным лозунгом многих бесед, обсуждений, статей и фельетончиков. Кого мы только не видели в наставительной роли менторов, разъяренно и запретительно встречавших каждую попытку критически разобраться в потрясающем выступлении германизма! Те, кому Лютер «Гекубой» был *, а сочинения Канта знакомы были по методу «гусиных лапок» («мой дядя видал, как их барин едал»), от критики и анализа волновались и — увы! — ругались больше всего.

Печальники германской культуры, во всеуслышание творившие над нею плач и рыдания, старались задрапироваться в самые благородные и почти что нечеловечески возвышенные чувства. Если бы не лексикон бранных слов, сыпавшийся с их возвышенных позиций на головы тех, кто осмеливался думать так, как требовала логика и факты, я бы готов был просто умиляться этой чисто российской картине маниловского добродушия и маниловских всеобщих, универсальных объятий.

Но ведь все-таки жизнь трезва и серьезна, и хотя Маниловым не до логики, все же нужно разгонять их даже самые возвышенные туманы, ибо обыкновенное свойство таких туманов — скрывать и прятать от бедных жителей земли солнечные вершины подлинных горных громад.

В стенаниях над германской культурой при всем желании нельзя отыскать *ni rime ni raison* **: — «рифмы» потому, что во всей обстановке русской жизни и в характере нашего воинства нет и следа каких-нибудь сокрушительных тенденций, «смысла» — потому, что подлинная культура неуничтожимо и сама в себе таит силу бессмертия и торжества над потоком событий и даже самых катастрофических столкновений.

Конечно, при столкновении народов неизбежно кое-что гибнет и разрушается. Но если бы российские плакальщики слезы свои лили вообще обо всей культуре, а не в частности лишь о немецкой, то они должны были первые «заплачки» свои начинать с действительных немецких зверств над лувенской библиотекой и над Реймским собором, а не с возможных и лишь чаемых ими «русских» посягательств на немецкую культуру. И даже первые и самые обильные ручьи слез они должны были бы пускать о совершенно бесспорном и беспримерном внутреннем падении немецкого народа, о внутреннем его одичании, а не о тех внешних разрушениях, к которым одичание это привело.

Nenia российских hoch-почитателей * немецкой культуры объясняются лишь установившимися навыками априорно, наперед презирать всякое русское дело,

щедрым авансом обливать подозрительным недоверием всякое русское начинание. Ибо в типе людей, о которых я говорю, как у Януса, два лика. К Западу они повернуты Маниловыми, к России — бесцеремонными Собакевичами. Логически же ### * * их никак оправдан быть не может.

II

Прежде всего все известия с театра военных действий дружно говорят нам о том, что русское воинство с поразительной бережностью относится к памятникам и монументам, которые им встречаются. Где было возможно, в исторических замках польских была расставлена стража для охраны их от местных грабителей, а не от проходящих русских войск. Даже костелы, с которых производился пулеметный обстрел, большей частью шадилась русской артиллерией. Если Господь сподобит нас войти в глубь Германии и в один прекрасный день очутиться unter den Linden***, я убежден, что не только Пергамский музей или полотна Боттичели будут охраняться нашими серыми шинелями ют случайных настроений берлинской толпы, но даже минарет пошлости, Siegestaule *, будет чувствовать себя в величайшей безопасности среди моря русских солдат, и два ряда макулатурных прусских кумиров, приведших Германию по Sieges-Alle** к современному краху гордой империи, будут безмятежно слушать веселые песни драгун и казаков. И это не потому только, что будет отдан такой приказ, а по внутреннему нерасположению русского человека к бессмысленным «сокрушениям». Один опытный офицер, участник августовских боев, очень веско сказал на тему о русском солдате: «Если бы я даже приказал стрелять в мирных жителей, мои солдаты меня бы не послушали!»...

Итак, какая же опасность угрожает немецкой культуре? Если оставить в стороне материальные памятники и перейти к ее книжным богатствам, то тут лживые опасения российских плакальчиков окажутся еще менее уместными. Вы опасаетесь за Шиллера, Гете, Гегеля, Ницше и проч., и проч., и проч. — в каком смысле? Все написанное ими остается в абсолютной неприкосновенности не только в книгохранилищах Германии, но и во всех русских библиотеках, казенных, общественных, университетских, городских, частных. Материальный доступ к ним остается безусловно свободным для всех и каждого. Никаких ограничений, никаких препятствий, никаких посягательств на них не только не предвидится, но и не может предвидеться. Это так ясно, что споры об этом не может быть.

В чем же дело? Und irae, unde investiva perpetua? *** Единственная угроза, действительно висящая над тем слитным явлением, которое называется германской культурой, — это угроза всестороннего духовного пересмотра. Но страх перед этой угрозой есть страх совершенно бесовский, низкий и недостойный, и внутреннее его неблагородство и внешнюю его «заинтересованность» при всяком удобном случае необходимо выставлять во всей неприглядности и наготы.

III

В немецкой культуре за последние десятилетия подчеркнулась одна особенность: ее экспорт в различные страны перестал быть естественным и стал форсированным, т. е. искусственно вздутым путем системы особого тонкого протекционизма. Усвоение благ немецкой культуры — в совершенном параллелизме с усвоением благ немецкой промышленности — из добровольного, основанного на вольной воле и охоте усваивающих, превратилось в нечто принудительное и насильственное. Если в торговле немецкую фабричную дрянью вперед продвигал вызывающе бряцавший меч

Гогенцоллернов *, то форсированные порции немецкой культуры, и притом самой новейшей и часто низкопробной марки, заставляли поглощать соседние страны — и в особенности Россию — искусная машина немецких университетов и ловкие культурно-промышленные организации, открывавшие филиальные отделения по нашим весям и городам. Прошедшие немецкую муштру насильно впихивали нам в рот «Кассиреров» ** и каждое новое прозрение какой-нибудь провинциальной немецкой знаменитости, а русские «филиалы» немецких фирм заставляли за большие деньги подписываться на роскошные томы акционерных изданий, в коих самым недвусмысленным образом унижались Россия и прочие страны и восхвалялась Германия с Австрией [1].

1 Яркий пример: 8-томная «История человечества» Гельмонта ***.

Это нарушение свободного отношения к немецкой культуре грозило нам неисчислимыми бедствиями, от которых, к счастью, избавила нас война. Здоровый народ чужую культуру может усваивать лишь свободно, по собственному почину и выбору, без комиссионерских указаний и настаиваний со стороны заинтересованных фирм и лиц. Это — совершенная аксиома; и то, что мы силою вещей как бы вернулись к некоему исходному пункту, вновь обретя свободу и право любить и признавать в немецкой культуре лишь то, что в ней достойно любви и признания, и отвергать то, что нам вовсе не нужно и что нам усиленно всеми правдами и неправдами навязывают ее многочисленные коммивояжеры — русские или немецкие — все равно, — это должно быть великой радостью для всех живущих в свободе и духе и гнушающихся даже ловко замаскированного принуждения и насилия. Если находятся люди, которые радость эту хотят отнять и исподволь подготовить нас к новым духовным насилиям после войны, то мы с этим должны бороться самым энергичным образом и указать на два обстоятельства, чрезвычайно важных.

IV

Во-первых, люди, даже с видимым бескорыстием работающие pour le roi de Prusse *, на самом деле являются глубоко заинтересованными в своей работе. Не зная ничего, кроме немецкой культуры, ухлопав на нее все свои силы и все свое время — они не могут отказаться от своих занятий и от соответствующих форм деятельности не только во имя принципа или идеи, а и во имя грубой, чисто житейской необходимости. Они заинтересованы в восстановлении форсированного и насильственного экспорта немецкой культуры в нашу страну совершенно наподобие того, как заинтересован в восстановлении винной монополии многочисленный штат служащих, оставшихся без места после всероссийской отмены форсированного потребления водки. Какое бы участие ни возбуждали в нас личные судьбы всех пострадавших от войны, все же национальное здоровье, духовное и физическое, должно занимать безусловно первое место, и всем участникам форсированного, насильственного и непрошеного культуртрегерства мы можем дать совет приискать на обширной ниве свободного и вселенского дела, в которое вступила уже Россия, более подходящие занятия.

Во-вторых, форсировка губит и отравляет не только духовную жизнь России, но и разрушает самую драгоценную и чистую сердцевину немецкой культуры. Русского колосса не очень-то легко «провести» до конца. Но упрямой и принудительной подачей второсортных и третьесортных фабрикатов в нем можно вызвать невольную

и глубоко нежелательную реакцию против истинных сокровищ немецкого духа. Если нас будут ловкие экспортеры через двери, окна, потолки и полы преследовать музыкой Рихарда Штрауса, мы можем на время потерять охоту слушать Баха или Моцарта. Пронзительный торг синкретизмом Древса **, подающего с приправами «философию тождества», может отбить желание на целые месяцы читать самого великого Шеллинга. Ввозимые же к нам многочисленные фальсификации немецких ученых в антропологии, истории (особенно русской) и других науках, насытивши нас, должны неизбежно вызвать величайшее недоверие и к подлинно бескорыстным немецким исследованиям.

V

Война спасительным вихрем снесла чрезвычайно много нежелательного в нашем отношении к Германии. Как бы ни распинались hoch-почитатели немецкой культуры, как бы ни плакали они в сострадательные жилеты почтенных маниловских газет — прошлые принуждения и насилия немецкого культурного экспорта, Бог даст, не будут возвращены. Все глубокое в русском обществе почувствовало потребность беспристрастно пересмотреть всю совокупность германской культуры и, воспользовавшись огромным светом этой войны, переоценить и переиспытать многое из того, что раньше нами легкомысленно принималось на веру и даже почти по гипнозу. Что много немецкой мишуры и немецкого фальсификаторства горит в огненном испытании мирового потрясения — это совершенно несомненно. Участвуя в этом великом зрелище, мы можем только благословлять языки Божьего пламени, которые яростно лижут и испепеляют бумажные кумиры германского производства. Подлинное же золото германского духа, конечно, в испытании огненном только очистится и обновится, и если наши российские плакальщики, теряющие в германском пожаре все свои бумажные состояния, имеют в виду, кроме своих бумаг, и это чистое золото, они могут успокоиться: русский народ слишком всечеловечен по глубочайшим устремлениям своего духа, чтобы пренебречь слитками чистого золота всечеловечности, сияющей на вершинах германской культуры.

Это немцы учили нас исключительности. Наши же цели — вселенские.